

ОТ РЕДАКЦИИ

Теория машин / машины теории. Установка Медиакультурологическая дискуссия

В рамках этого номера «Теория машин / машины теории» мы надеемся прояснить проблематику машинного как общей цивилизационной и культурной модели современности в интердисциплинарном языке наук о культуре, литературе и медиа. Совместными усилиями мы предполагаем рассмотреть машинное в качестве сцепления элементов или событий, которые не сводятся к его технико-функциональному пониманию, но обнаруживают соответствия в области языка, познания и культуры.

При том соответствующая проблематика выглядит вполне обоснованной исторически, мы все же решили поставить необычный акцент, сделав в этой теме ударение на культурной полемике между Западом и Россией в прошедшем столетии.

Подобная постановка вопроса отчетливо проявляется уже в проблематике машинной антропологии московской антрополого-аналитической школы, анализирующей литературные произведения, а также в культурно-техническом (Kulturtechnik) уклоне немецких ученых. Все это становится исходным пунктом для попытки, с одной стороны, сравнить понимание машинного в русском авангарде и в западноевропейской культуре предвоенного времени, а с другой — перекинуть мост между общим модернистским подходом к машине, завершающимся понятием *das Gestell* у Мартина Хайдеггера и постмодернистскими теориями машины, предложенными в работах Жака Лакана, Мишеля Фуко, Жюлья Делеза, Льюиса Мемфорда и др.

Одним из важных действующих лиц в поле темы машинного в первое послереволюционное десятилетие в России был поэт и теоретик научной организации труда Алексей Гастев, который с помощью Ленина основал в Москве институт изучения труда (ЦИТ). В этом институте была создана теория биомеханики и применена система тейлоризма на фабриках, в театре и спорте. Сам Гастев при этом имел двойствен-

ную натуру: с одной стороны, как поэт, он описывал футуристически-визионерский проект новых людей-машин, а с другой, и это, пожалуй, более знаменательно, — был проводником жесткого, субрепрезентативного эргометрического дискурса. Он превращался, точнее, переоформлялся в пропагандиста тейлоризма в Советском Союзе, т. е. тщательной рациональной организации труда (отдельный технологический процесс, секвенсирование и т. д.), точного приспособления рабочего к моторным преимуществам машины, ритмичной оптимизации благодаря ритмизирующим системам.

С новой биопсихологической техникой, благодаря точно контролируемым движениям и эффектам, должна была быть многократно повышена эффективность движений и эмоций. Ключевым концептом Гастева в этой связи является *установка* — при этом Гастев использует именно немецкий термин *Einstellung*. Этот термин означает, с одной стороны, общую культурную «установку»: «как напряженное внимание, передаваемость, силу воли, упорядочивающую дисциплину, работу, организацию», а с другой стороны, «установка» является конкретной установкой верстака, выступающей преимуществом приспособляющей «установки» обслуживающего машину рабочего.

Исходя из этого, в новом свете предстает и авангардная литературная теория, в рамках которой понятия «установка» и «прием» приобретают центральное значение. Таким образом, выясняется, что, например, инженер и писатель Платонов, в чьем романе «Чевенгур» (1927–1929) Иосиф Бродский обнаружил господство языка над говорящим, также является отчасти последователем гастевской программы.

Однако в этом проблемном поле проявились и существенные различия, связанные с переосмыслением уже в конце 20-х гг. отношений социальной утопии и возможностей науки, машинной техники и промышленного производства. Они были обусловлены противоречием между принципами организации и оптимизации труда, с одной стороны, и индустриальным развитием и изобретением машинной техники — с другой. Соответствующий критический анализ машинных моделей общества и хозяйства представлен и систематизирован в ряде статей на материале современной философии техники, наук о культуре и медиа.

Владимир Вельминский